

с заверением, что именно это агентство никогда не будет прибегать к ним. Происходит демонстрация чистых намерений через отрицание. Чаще всего, данные заверения располагаются на центральной странице «о нас» или же в рубрике «статьи», где с аналитических позиций вскрывается правда о «черном PR». (Правда, в личных беседах сотрудники всегда готовы допустить применение «запрещенных» методов, считая их действенными, так что их перечень на сайте вполне может считаться и их рекламой). Интересно, что на сайтах PR агентств в США подобная разоблачительная информация отсутствует. Отрицательная информация, которую можно найти здесь в презентации агентств, в основном касается достаточно детального описания проблем клиентов и способов перевода их в стадию разрешения.

В качестве заключения, можно отметить, что вышеприведенные ситуации свидетельствуют о том, что пока в современной России на рынке коммуникационных услуг действуют атомизированные свободные индивиды, не связанные явно ни гласными, ни негласными правилами, состояние которых отмечено известной, но не оптимистичной формулой - «все свободны!».

Ковалев В.В.
Ростов-на-Дону, Россия

РОЛЬ ОСОБЕННОСТЕЙ СТЕРЕОТИПОВ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В ФОРМИРОВАНИИ ПРАКТИК СОЦИАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ / НЕДОВЕРИЯ

Основная тенденция современного развития ведет нас в сторону индивидуализма, автономизации, отказа от устойчивых социальных связей, в основе которой лежит стремление к максимальному удобству и комфорту, что не всегда возможно в условиях тесного общежития (как в виртуальном, так и в реальном аспектах).

Состояние неопределенности, обусловленное процессами индивидуализации, требует постоянных усилий в основании жизненного пространства. Очень удачно социальное явление индивидуализации и возникающие от него последствия, обуславливающие потребность в идентификации, охарактеризовал Зигмунт Бауман: «Смысл «индивидуализации» состоит в освобождении человека от предписанной, унаследованной и врожденной предопределенности его социальной роли, что составляет перемену, справедливо рассматриваемую как наиболее заметную и основополагающую черту эпохи модернити. Если говорить более коротко, «индивидуализация» заключается в преобразении человеческой идентичности из «данности» в «задачу» и в наделении действующих лиц ответственностью как за решение этой задачи, так и за последствия (включая побочные эффекты) исполнения ими их ролей; иными словами, она состоит в установлении автономии индивида *de jure* (хотя и не обязательно *de facto*)»¹.

Современное российское общество находится в состоянии аномии, которое Э. Дюркгейм охарактеризовал как социальную дезорганизацию, разрушение традиционных условий жизни, обуславливающих неспособность человека удовлетворять свои потребности привычными способами, которые сформировались в условиях общественного порядка и стабильности².

Состояние аномии не просто вызывает социальную нестабильность. Оно порождает у индивида чувства неуверенности, страха, обуславливает неизменное стремление поиска чего-то прочного и основательного, что дало бы возможность человеку получить опору и поддержку в трудное время, внести ясность в неопределенность, решить проблемы там, где самостоятельный поиск решения приводит к отчаянию и потери всяких смыслов.

Именно потому, что социальный порядок уже не кажется чем-то нормальным (в обществе нет устоявшейся привычки считать наличие

¹ Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. С. 154-155.

² Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. М.: Мысль, 1994. Гл.5.

порядка естественным положением вещей), существует явно выраженная потребность наведения порядка в системе социальных отношений через обретение идентичности. Потребность в идентичности определяется в силу того, что через идентификацию себя с группой и ее ценностями мы упорядочиваем свое социальное пространство, делаем ясной и четкой картину мира, в котором мы живем, определяем свое место в системе социальных связей. Это имеет огромное значение для преодоления того чувства неопределенности, которое преследует нас на каждом шагу в мире, где отсутствует социальный порядок, где социальные ценности девальвированы и постоянно подвергаются переоценке под влиянием потребностей момента.

В этой части нашего исследования нам бы хотелось определить наши методологические позиции, то есть тот инструментарий, посредством которого мы будем анализировать истоки формирования социального доверия (недоверия) в обществе.

В качестве методологической основы для изучения данного процесса мы выбираем теорию социального действия Т. Парсонса. Мы полагаем, что анализ условий для образования феномена социального доверия (недоверия) вообще немислим вне концепции деятельности. Именно в процессе деятельности мы соприкасаемся с другими людьми, вступаем с ними во взаимодействие, следовательно, испытываем потребность доверия или недоверия. Кроме того, именно в процессе деятельности возможно появление социальных конфликтов как отражения неустойчивого состояния социальных процессов. Между тем, одна из задач социального доверия состоит в том, чтобы посредством установления общих идентификаций содействовать формированию процесса социальной солидарности.

Мы предлагаем исследования степень развития социального доверия (недоверия) с позиции того, насколько устойчиво и отчетливо функционируют в обществе социальные стереотипы. Этот критерий избран для анализа в силу того, что высокая степень определенности стереотипов

показывает основательность освоения социального пространства субъектами общественных отношений. Это напрямую объясняет возможность либо невозможность формирования социального доверия: чем большая часть поля социального пространства рассматривается субъектом в качестве «Своего», тем шире условия развития сопричастности и доверия с «Другими».

Функциональная значимость социальных стереотипов в системе социального действия определяется теми потребностями, которые существуют у личности. С точки зрения механически понимаемой коммуникации, основная потребность личности в группе заключается в том, чтобы стать «Своим» для членов группы. Идентифицируясь с группой, воспринимая ее культурные объекты в качестве своих собственных, индивид явно выражает свои намерения, демонстрируя лояльность группе. Происходит интериоризация культурных объектов группы в качестве норм и стандартов, органично присущих и свойственных каждому члену группы в отдельности.

Т. Парсонс раскрывает механизм этого процесса: «В самом общем смысле система потребностей-установок индивидуального действующего лица, по-видимому, состоит из двух первичных или элементарных аспектов, которые можно назвать аспектом удовлетворения и аспектом ориентации»¹. Относительно «аспекта-ориентации» необходимо сказать, что Парсонс, очевидно, имеет ввиду социальные ценности, которые обладают коммуникативной направленностью, то есть предоставляют возможность индивиду, вступающему в группу, ориентироваться в окружающем его социальном пространстве. Первичное ознакомление с этими ценностями разрешает перед вступающим в систему групповых отношений дилемму избрания ценностей в качестве своих, либо отказа признавать их значение. Последнее автоматически вело к выходу из группы. Что касается «аспекта-удовлетворения», то здесь все относительно просто: речь идет о том, что социальное действие индивида имеет направленный вектор,

¹ Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академ-проект, 2002. С. 79.

ориентированный на получение в будущем вознаграждение за лояльность культурным объектам группы. Совмещение этих двух векторов в рамках одного направления социального действия является залогом успешности процесса формирования в обществе социального доверия.

Как только «аспект удовлетворения» и «аспект ориентации» начинают определять характер социального действия индивида в группе, с этого момента стремительно начинается процесс трансформации индивидуального стереотипа в социальный. Социальный стереотип содержательно в структуре социального действия отвечают обоим аспектам: он инструментально удовлетворяет потребности, как они понимаются субъектом социального действия, в то время как сами потребности во многом задаются групповыми представлениями и формируются в ценностные стереотипные ориентации.

Эта двойственность становится предметом особенно тщательного изучения в концепции Т. Парсонса. Вопрос этот принимает для него важнейшее значение, поскольку исследователю было необходимо найти критерии устойчивости функционирования общества. Т. Парсонс утверждает, что взаимная зависимость ожиданий ориентируется на общепринятый порядок символических значений. Именно от успешности их унификации зависит характер интегрированности, сплоченности группы. Основа интеграции социологу видится в структурных стандартах устойчивости и функционального соответствия мотивационного баланса и конкретной ситуации. «Система действия структурирована в соответствии с тремя интегративными исходными пунктами: индивидуальным актором, системой взаимодействия и системой культурных эталонов. Каждый из них предполагает наличие других, и, следовательно, изменчивость каждого лимитируется необходимостью соответствовать определенному минимуму условий для функционирования каждого из двух остальных»¹.

Упрощая эту замысловатую формулировку, не меняя, одновременно, ее смысла, можно сказать, что устойчивость отношений в группе определяется

¹ Парсонс Т. Указ. соч. С. 99.

готовностью сторон четко следовать тем нормам, которые становятся ценностями, в парсоновской терминологии, как для «Эго», так и для «Другого».

Эта готовность формируется на основании равновесного следования принципу «конформности-отчуждения», где элементы собственно конформности определяются согласием подчиняться установленным в группе ролевым обязанностям. Восприятие социальных стереотипов в группе, где соблюдается четкое следование ролевым ожиданиям, осуществляется благодаря пластичности мышления и сенситивности, то есть восприимчивости к установкам других. В стабильных обществах механизм формирования социальных стереотипов в рамках группового взаимодействия предельно прост. Индивид попадает в готовую матрицу социальных отношений, где уже сложилась четкая институционализация ролевых ожиданий. Принимая ролевые стандарты, стереотипизируя их до механистичного состояния, субъект готовит поле для социального доверия, где социальные действия прогнозируемы и имеют устойчивый характер.

Но здесь обнаруживается слабость идейной доктрины Т. Парсонса для понимания причин складывания социального доверия (недоверия) в российском обществе. В российском обществе нет оснований для легкого и беспроблемного соединения позиций двух сторон в групповой коммуникации, так как в нашем обществе отсутствует ясное представление о нормативном основании единообразного понимания ценностей. У нас на данный момент сложилась тотальная форма индивидуализация, принявшая совершенно исключительный характер. В этих условиях искать точки соприкосновения крайне затруднительно, если не сказать более категорично.

Еще более спорной позиция Т. Парсонса выглядит при большей степени ее категоризации самим автором. Вот как ученый описывает возможность формирования единообразной устойчивой системы групповых отношений, в рамках которой мы допускаем формирование социального доверия: «В целом, поскольку нормативные стандарты, по которым

взаимодействуют эго и другой, ясны и признаются ими обоими, благоприятные реакции другого имеют тенденцию стимулировать эго к действиям, конформным с указанными стандартами, а неблагоприятные – к отклонению от них. Результат такой балансировки приводит к совпадению (с той и другой стороны) по оси конформность-девиантность и по оси благожелательность-неблагожелательность или вознаграждение-лишение. Другими словами, основное условие, при которой система взаимодействия может быть стабилизирована, конформность актора с общепринятой системой стандартов ценностной ориентации»¹.

Т. Парсонс говорит о том, что нормы должны быть понятны и ясны для всех акторов социального действия. Именно в этом случае «вознаграждение» будет доминировать над «лишением», «конформность» над «девиантностью», а «доверие» над «недоверием». Но в российском обществе солидарного отношения к ценностям нет. Поэтому в нашем обществе для внутригруппового и межгруппового взаимодействия избираются формально-инструментальные способы коммуникации, основанные на признании экспрессивных символов, которые не предполагают четкой нормативной определенности для акторов социального действия, а обусловлены некоторой степенью автономизации социальных связей. Об устойчивости таких отношений мы можем говорить лишь условно, поскольку в группах не возникает прочных привязанностей. Для формирования же хотя бы минимальной степени сплоченности воспринимается внешняя, символическая оболочка отношений. Возникает кажущаяся институционализация социальных ролей, которая сохраняет от полного разрушения социальный институт, но приводит к очень выраженной степени горизонтальной мобильности в рамках группового взаимодействия. Непрочные связи легко рвутся, а группы быстро меняют свой кадровый состав. Постоянное членство в группе не является значимой ценностью,

¹ Парсонс Т. Указ. соч. С. 110.

человек легко переходит из одной группы в другую с сохранением прежних диспозиций в ролевой структуре.

В этой ситуации формирование социальных стереотипов происходит стремительно, значительно более быстрыми темпами, чем в обществах, где внутригрупповое взаимодействие основано на строго определенных нормативных параметрах. Простота формирования социальных стереотипов обуславливается бедностью их нормативного содержания. Интериоризируя групповые ценности, индивид в российском обществе практически не сталкивается с проблемой их адаптации, приспособления к своим собственным индивидуальным ценностям. Скудость и тех, и других облегчает их трансформацию в ту стадию, когда они полностью формализованы (приведены в стереотипное состояние), выведены в сферу бессознательного, и, определяя на иррациональном уровне формулы коммуникации и оценки, создают основу для механической идентификации с членами группы.

Говорить об устойчивости социальных отношений в таких обстоятельствах можно со значительной степенью условности.

Как это ни парадоксально, учитывая, что массовость является одним из признаков стереотипа, сами социальные стереотипы сохраняют свое колоссальное значение для внутригрупповой и межгрупповой коммуникации именно в силу развития индивидуализма. В условиях доминирования индивидуалистических ценностей, определяемых катектическими потребностями, стереотипы сдерживают современных индивидуализированных личностей от Гоббсовской войны «всех против всех». Индивиду нет нужды тратить огромное количество энергии для поиска компромисса, отказываться от своей свободы ради поиска общих точек соприкосновения, поскольку социальный стереотип, как готовый продукт коллективных представлений, дает индивиду возможность идентифицировать себя с группой по общепринятому шаблону.

Конструирование социальных стереотипов в системе группового взаимодействия основано на интериоризации ценностей группы тем индивидом, который вступает в модель группового взаимодействия. Таким образом, сами стереотипы не делаются (конструируются) из ничего. Это та укорененная в сознании реальность, призванная удовлетворять, в первую очередь, катектические потребности, которая отражает ценности группового взаимодействия. Это свидетельствует ее социальной обусловленности, в том числе, и посредством социальных идентификаций.

Подводя итог, нужно заметить, что в основании процесса стереотипизации в группе лежит ряд факторов. Прежде всего, необходимо обратить внимание на то, что на этом уровне происходит замена индивидуальных стереотипов на групповой, социальной. В обществе модерна эта замена основана на поиске соотносимости двух уровней стереотипизации через обнаружение в нем общих ценностных стандартов. Продуктом такой соотносимости становится формирование условий для социальной солидарности на основе общих идентификаций. Общество постмодерна дает несколько иной стимул для складывания соотносимости индивидуальных стереотипов и групповых, социальных. Здесь имеет место наличие диссонанса между индивидуальными и групповыми стереотипами, что приводит уже к образованию не солидарности, а механической лояльности в модели групповых отношений. В основе лояльности лежит стремление к удовлетворению катектических потребностей членов группы. Группа, в этой связи, рассматривается не как самоценность, а в качестве инструмента для целедостижительной деятельности. Сама же стереотипизация основана на смещении ценностных стандартов и экспрессивных символов, что, в общем итоге, приводит к формированию неустойчивой модели группового взаимодействия.

Выделение признака неустойчивости как признака базового для характеристики современной групповой динамики в российском обществе является основным выводом из анализа условий для складывания

социального доверия (недоверия). Неустойчивость, неопределенность социальных отношений, в основе которых лежит отсутствие солидарного отношения к социальным ценностям, предопределяет развитие в российском обществе социального недоверия, ограничивает возможности для роста социального капитала.

Окулова П.А.

Екатеринбург, Россия

О НЕКОТОРЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ ИЗУЧЕНИЯ ДОВЕРИЯ

Доверие – открытые взаимоотношения между людьми, содержащие уверенность в порядочности и доброжелательности другого человека. Доверие может иметь финансовый или личный характер. Финансовое доверие может выразиться в одалживании средств или возложении полномочий по управлению имуществом. Признаком личного доверия служит откровенность, готовность делиться интимной, секретной информацией¹. Именно так мы привыкли трактовать доверие в обыденной жизни. Часто этот феномен не воспринимается как научный, требующий изучения.

В конце XX века проблемой доверия всерьез заинтересовались обществоведы в нашей стране. Ранее изучением доверия занялись в Европе и Америке. Существует несколько подходов к пониманию данной категории, среди которых можно выделить четыре основных: философский (ряд идей были прописаны еще Н. Макиавелли, Т. Гоббсом, Дж. Локком; К. Маркс и Ф. Энгельс затрагивали проблематику доверия; среди философов XX века можно назвать О. Больнова), экономический (Ф. Фукуяма, А. Олейник, Е. Ясин, Н. Косяк, П. Шихирев, Р. Шо), психологический (Э. Эрикссон, Т. Скрипкина, И.

¹ Jack R. Gibb, 1978, Trust: A New View of Personal and Organizational Development, Guild of Tutors Press. P 23.